

— Открой чертовы ворота, Весемир. - крикнул Ламберт.

Эскель и Геральт оба посмотрели на него с возмущением, но он путешествовал достаточно долго, поэтому ему было наплевать, что старый придурок думает о его отношении.

— Вечный дипломат Ламберт. Я вижу, что еще один год на Пути не улучшил твоих манер. - кисло сказал Весемир.

— Нет, и чем дольше я здесь, тем будет только хуже. Он выстрелил в ответ. Он почувствовал прилив удовлетворения, когда рот старого ведьмака скривился в неодобрительную линию, прежде чем он отдернул голову, пробормотав: — Дай мне секунду.

«Тебе нужно проявлять к нему больше уважения». - сказал Геральт.

Ламберт усмехнулся своему брату. — И я это сделаю, когда старый упрямый ублюдок расслабится. Эскель издал тихий смешок, когда древняя решетка со скрипом открылась.

«Да, такое когда-нибудь произойдет». Сказал он, подмигнув синим глазам. Внутри Ламберта закрутился узел ревности. Эскель и девушка становились все ближе и ближе с тех пор, как начали путешествовать вместе. Он знал, что это потому, что ведьмак постарше был, вероятно, самым доступным из них. Он всегда знал, что сказать, чтобы разрядить ситуацию или заставить кого-то почувствовать себя лучше после дерьмовой тренировки, но вид того, как голубые глаза тянулись к нему, Ламберту захотелось что-нибудь ударить. Действительно трудно.

Ворота завершили свое медленное движение вверх громким грохотом. Старик в своем возрасте становился медленнее, было время, когда он мог поднять его менее чем за десять секунд в одиночку. Теперь ему потребовалось тридцать. Ведьмаки проехали через вход и оказались на вневременном, хотя и не очень запущенном, тренировочном дворе. Ламберт почувствовал, что его настроение уже портится, когда он увидел тренировочные манекены, выстроенные вдоль стены, ветхие конюшни в стороне и изнурительные и до боли знакомые штурмовые курсы, расположенные высоко на стенах над ними. Он поморщился, останавливая Уорсона, наслаждаясь горько-сладким ощущением того, что он дома.

Краем глаза он увидел приближающуюся к ним коренастую фигуру Весемира. Двое других спешили и двинулись к старшему ведьмаку. Ламберт наблюдал со своей лошади, голубые глаза были неподвижны, как камень, хотя ее голова была повернута к воссоединению, происходящему рядом с ними.

— Как дела, Весемир? Я вижу, что ты все еще тратишь свою пенсию на присмотр за этим старым местом. Эскель сердечно похлопал своего учителя по спине. Его покрытое шрамами лицо сияло.

«Я бы не назвал это выходом на пенсию». Весемир усмехнулся, повернулся к Геральту и обнял его. «Прошло слишком много времени, Белый волк. Я с нетерпением жду ваших рассказов, это самое близкое к действию в последнее время».

Геральт фыркнул. — Мы позволим Ламберту начать.

Весемир повернулся к все еще сидящему Ламберту, его зоркие глаза снова сосредоточились на пассажире. — Да, я думаю, так и будет.

Сделав несколько шагов вперед, выражение лица старого ведьмака стало гранитным. Когда он

оказался на расстоянии двух футов от лошади и двух всадников, его ноздри раздулись, когда он почуял воздух. Ламберт почувствовал, как Элли напряглась, и почувствовал ее нервозность из-за анализа.

— Я надеялся, что ты действительно сможешь мне чем-нибудь помочь. — сказал Ламберт, надеясь отвлечь Весемира и найти лучшее время, чтобы мягко сообщить ему новость о посетителе.

'О, да?' — ответил старый ведьмак, устремив взгляд на Ламберта, который теперь сузился до тонких щелк. — И чем именно я могу тебе помочь, ведь ты привел чужака в наше убежище?

Ламберт почувствовал, что его гнев вспыхивает, но он держал это под контролем. Думай, как Эскель, подумал он, дипломатия — единственный способ справиться с этой ситуацией.

— Ламберт думал, что возьмет с собой на зиму демона. Грубый голос Геральта прервался прежде, чем Ламберт успел ответить. Очень тонкая оболочка терпения, которую ему удалось вызвать, опасно треснула, и он впился взглядом в брата. Он всегда был болтливым хвостом.

— Спасибо, чертова шлюха. Он сплюнул, спрыгнул с лошади и стратегически расположился между Голубоглазыми и своим старым учителем. Глаза Весемира распахнулись при откровении Геральта, и Ламберт почувствовал запах адреналина, который сейчас струился по высохшим венам старого болвана. Отлично, все шло просто великолепно.

—...демон, Ламберт? О чём, во имя Мелитэлы, ты думал? В его голосе была та суровость, которую Ламберт много раз слышал в юности. Это означало неминуемое избиение за его проступки, но он уже не был мальчиком, и это был его аргумент для победы.

— Если вы меня выслушаете, я смогу все объяснить. Клянусь, она не представляет угрозы.

— Никогда за шестьсот лет моей жизни не было у меня такого идиота и вспыльчивого ученика, как ты. Почему вы думаете, что я буду слушать доводы человека, который едва знает значение этого слова?

Ламберт стиснул зубы. Я имею в виду... этот человек был прав, но все же... он надеялся, что среди его собратьев-волков было больше доверия, чем сейчас. Он поднял руки, подавляя свою гордость, и слегка опустил голову, глядя на старшего ведьмака.

- Пожалуйста, Весемир. Я умоляю тебя выслушать. При этих словах разгневанное лицо Весемира смягчилось удивлением. Сделав шаг назад, он посмотрел на девушку, наблюдающую за всем этим с верха его лошади. Наступила очень напряженная минута молчания, в которой Ламберт мог видеть недоверчивый взгляд Геральта, обращенный к нему, и голубые глаза — он поймет его позже — и обеспокоенное выражение лица Эскеля, когда он стал свидетелем этого неловкого знакомства.

'Отлично.' — наконец сказал Весемир. 'Я буду слушать. Но ты тоже под судом, мальчик, запомни мои слова. Он ткнул пальцем в Ламберта, прежде чем повернуться и побрел обратно к крепости. Ламберт почувствовал бурную ярость из-за такого маленького срока, но ему удалось промолчать. Геральт еще раз осторожно взглянул на них обоих, следуя за своим наставником.

Как только они остались одни на тренировочном дворе, Эскель издал тихий свисток. — Что ж, это было интересное прибытие. Он подошел к ним, его взгляд остановился на голубых глазах. — Ты в порядке, Эл? Я думал, старик собирается «разрубить тебя пополам прямо здесь, у входа».

'Да, у меня все хорошо. Ничего такого, чего я раньше не видел. Голос ее был грустным и тихим, и Ламберт почувствовал очередной прилив гнева на Весемира и Геральта за пройденный путь.

«Чертов Геральт. Знаешь, не повредит ли ему время от времени отрывать голову от задницы Весемира? Эскель критически посмотрел на него.

— Полегче, Ламберт, ты же знаешь, что в прошлом у Геральта были довольно серьезные стычки с демонами. Он видел, как при этом девушка выпрямилась на лошади, но он устал и раздражался от их ухабистого приема, и на самом деле ему просто хотелось сесть и прийти в себя после путешествия.

— Давай покончим с этим. Я не хочу давать этому старому ублюдку больше причин ненавидеть меня. Девушка соскользнула с Уорсона с неуверенным выражением в глазах. Они были небесно-голубыми, но на горизонте определенно были облака. Оставив свою лошадь с двумя другими в конюшне, Ламберт повел их троих через второстепенную и третью стены, пока они не подошли к главному входу в крепость.

Это место еще только стояло; массивные трещины зигзагом поднимались вверх по отвесным стенам. Вершины башен развалились, оставив огромные каменные плиты, разбросанные по внутреннему двору. Сорняки и растения пробились сквозь булыжник. Казалось, Каэр Морхен хорошо справился с задачей защиты от врагов, но природу невозможно было сдержать. Несмотря на неестественно сильное презрение к этому месту, Ламберт почувствовал укол сожаления по поводу того, насколько обветшала крепость всего за год.

Протолкнувшись через двойные дубовые двери, Ламберт и Эскель пошли знакомой тропой в главный зал. Громадная комната была в равных частях заставлена старой, пыльной мебелью и оборудованием, которые прилагались к ведьмачьей школе, а в равной степени была заметно пуста. Здесь не было примерно сотни ведьмаков, которых он должен был разместить. В лучшие времена зал был заполнен длинными деревянными столами и скамейками, на которых могли есть ведьмаки и их ученики. Их бы ранжировали в порядке статуса и опыта. Старшие ведьмаки, в основном учителя, сидели в конце зала рядом с зияющей пастью камина, а самые младшие мальчики сидели ближе к двери.

Ламберт с неохотой ясно вспомнил, как он впервые вошел в двери и увидел внушительные арочные контрфорсы, сделанные из того же серого камня, что и горы снаружи. Стены были увешаны самыми ценными и престижными трофеями школы. Больше всего его встревожила голова рычащего демона, стоявшая рядом с дверью, и он помнил, как вздрогнул от нее. Однако мёртвый демон был ничем на фоне десятков светящихся янтарных глаз, жадно наблюдавших за ним, пока он шел вместе с группой мальчиков, с которыми прибыл, чтобы представиться гроссмейстеру, ведьмаку по имени Ренн. Рядом с ним был Весемир, и его взгляд был неодобрительным, так как он оставался в замке до конца жизни Ламберта.

Старый ведьмак сейчас стоял у того же костра. Его руки были скрещены, и он смотрел глазами, освещенными светом костра, как приближался Ламберт. На единственном еще занятом столе сидел Геральт, сложив руки перед собой. Он оторвался от разговора, который вел с другим человеком, который не был первым в его списке друзей. Рот Ламберта скривился в усмешке, когда он узнал каштановые волосы и зеленые глаза Трисс Меригольд. Она ответила на этот взгляд, так как никогда не сходилась во взглядах с ожесточенным ведьмаком.

— Что она здесь делает? — спросил он, подходя к столу и глядя на волшебницу презрительным взглядом.

— У нее есть имя, ты знаешь. Она ответила.

— Извини, Меригольд, я забыл, что ты предпочитаешь формальности судов нашим ведьмачьим обычаям. Он не стал саркастически ей поклоняться, но Геральт и Весемир все равно бросали на него ядовитые взгляды. Он почти забыл, что происходит, настолько разозлился из-за неожиданного присутствия Меригольд. Затем звук остановившихся позади него легких шагов и настороженный взгляд волшебницы через плечо напомнили ему об этом.

— Итак, демон. Я полагаю, вы можете говорить за себя в этом вопросе? Мелителе знает, что Ламберт не собирается оказывать вам никаких услуг. Весемир обратился к девушке, стоявшей позади него. Он говорил тем же голосом, которым пользовался, когда Ламберт сделал что-то особенно коварное, но хотел, чтобы мальчик сначала признался.

В зале воцарилась выжидательная тишина, все смотрели на странную девушку среди них. Она стояла в стороне, все еще одетая в его потрепанную запасную рубашку и свои странные обрезанные брюки. Ее руки обвились вокруг живота, она беспокоилась о своей позе. Это было самое страшное, что он видел в ней после нападения ведьмака. Ее теперь королевские голубые глаза метались с лица на лицо, зубы тревожили нижнюю губу.

Они собрались вокруг нее полукругом. Ламберт стоял ближе всех, у ее правого плеча. Было что-то в том, как смотрели на них другие ведьмаки и Меригольд, даже у Эскеля было серьезное выражение лица, от чего у Ламберта зловеще покалывало кожу. Рядом с ним произошел небольшой сдвиг, когда девушка глубоко вздохнула, готовясь к защите.

«Я даже не знаю, что я могу сказать, чтобы заверить тебя, что я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред». Ее взгляд перешел с Весемира на Геральта. — Я имею в виду... я не причинял вреда Ламберту с тех пор, как он нашел меня. И я не нападал на тебя по дороге сюда. Она пожала плечами, ее взгляд метнулся к Ламберту. «Все, что я могу сделать, это надеяться, что вы поверите мне и поможете мне понять, почему я здесь. Он привел меня сюда по этой причине, а не по другой. Не наказывайте его за доброту.

После того как она закончила свое дело, наступило долгое, затяжное молчание. Ламберт немного шокирован ее последним заявлением. Он... добрый? Теперь они будут уверены, что она невменяема. Весемир мгновение смотрел на нее, затем задумчиво потер подбородок. — Я мало что знаю о вашем виде. Слухи и книги — это предел моих знаний. Однако я знаю, что демоны, как известно, обманчивы и опасны. Геральт имел с ними интимный опыт. При этом он повернулся к Белому волку с мрачным выражением лица. — Что ты скажешь? Вы путешествовали с этим существом.

Ламберт почувствовал, как голубые глаза слегка вздрогнули при слове «существо». Холодная злоба по отношению к старому ведьмаку захлестнула его. Геральт какое-то время молчал, глядя немигающим взглядом на девушку рядом с ним.

— Она утверждает, что наполовину человек. Он начал, его скрипучий голос был медленным. «Она также утверждает, что безобидна, но я был свидетелем того, как она прыгнула на полпути в гору и спустилась с ведьмака с помощью мощной неизвестной магии». Холодный гнев наполнил внутренности Ламберта, и он сжал кулаки, слушая показания брата. — Я не думаю, что она обманула Ламберта, и не верю, что она заключила с ней договор. Но я думаю, что его суждения были затуманены... по другим причинам».

Гнев превратился из ледяного в пылающий за считанные секунды, когда Геральт обратил свой каменный взгляд на Ламберта. Меригольд подняла брови и окинула его странным взглядом,

который только разжег огонь. «Какое удачное время для тебя, чтобы обрести свой голос». Он откусил сквозь крепко сжатые зубы. — Не думаю, что я слышал, чтобы ты говорил так красноречиво, если внутри тебя нет бочки эля.

Геральт приподнял бровь, услышав саркастический комментарий брата. 'Достаточно.' Грубый голос Весемира отвлек их от вопиющего состязания. «Вы скажете свое слово, Ламберт, но есть и другие, кого вы сейчас задействовали, и мне нужно услышать их мнение». Он холодно посмотрел на своего самого беспокойного ученика. — Как бы тебе это ни было тяжело переварить.

Юный ведьмак окинул комнату сердитым взглядом. Единственная пара сочувствующих глаз, которую он нашел, принадлежала Эскелю, и это никак не успокоило его.

«При всем уважении, мое мнение — единственное, которое дает вам полную картину. Я был тем, кто нашел ее, я тот, кто был с ней дольше всех». При этом он посмотрел на странную, сбивающую с толку девушку рядом с ним. Она не смотрела на него, сосредоточив свое внимание на людях, решающих ее судьбу, но тончайшим движением он почувствовал, как чья-то рука схватила его за руку и нежно сжала ее. Это движение не ускользнуло от Весемира, его орлиные глаза метнулись туда, где ее рука коснулась его. Ламберт увидел, как его рот вытянулся в опасно тонкую линию, когда он посмотрел на него взглядом учителя.

— Возможно, это и правда, но я вижу, что Геральт был прав. Ваше суждение затуманено. Я предполагаю, что вам поручили убить девушку, и именно так вы ее и нашли?

Ламберт мало что мог сделать, кроме как кивнуть. Ложь сейчас принесет им только больше неприятностей, и хотя его не волновало, что о нем думают другие, Голубые глаза заботились о нем.

«Вот и мы. Итак, не сумев сделать дело, вы решили вместо этого помочь ей? И привези ее не только к себе домой, но еще и несвязанную и путешествующую как равную».

Он почувствовал, как атмосфера в комнате изменилась, пока Весемир говорил. Теперь даже Эскель подозрительно смотрел на них обоих. Внимание Меригольд было приковано к Синим глазам, и он увидел, как ее рот медленно двигался, но из нее не исходило ни звука. Волосы на его затылке встали дыбом, и его медальон слегка задрожал, одновременно с этим девушка рядом с ним вздрогнула, выдернув руку из его руки, как будто она была обожжена.

— Что бы ты, черт возьми, ни делал, Меригольд, тебе лучше прекратить это прямо сейчас. — сказал Ламберт убийственным тоном. Он знал, что выход из себя сейчас пойдет им плохо, но он не мог избавиться от разочарования и раздражения от такого допроса.

— Оставь ей Ламберта. — рявкнул Весемир, его старые глаза сверкали. «Я тренировал тебя сам и могу лишь разочароваться из-за отсутствия мер предосторожности, которые ты предпринял для защиты этого существа. Она может говорить все, что хочет, что она в безопасности, но слова мало что значат».

— Она не может убивать людей, если тебя это беспокоит. Ламберт возразил. Трое ведьмаков обменялись растерянными взглядами, особенно Геральт и Эскель.

— Ты имеешь в виду, что ее нельзя убить, да? Эскель попытался осторожно исправить.

«Я имел в виду то, что сказал, членосос». Он уставился на Весемира, всякое притворное уважение теперь исчезло. «По дороге на нее напала группа шлюх-наемников. Они пытались

изнасиловать ее и еще одну девушку. Я видел, как Голубоглазые нокаутировали каждого из этих ублюдков, как будто они тренировали манекены, она могла легко перерезать им глотки или поджарить их своей магией молний. Она этого не сделала. Несмотря на то, что они этого заслуживают. Когда я спросил, почему, она ответила, что не может убивать, и, если честно, за тот месяц, что я ее знаю, она ни разу не причинила злонамеренного вреда чему-либо, с чем мы сталкивались » . Он повернулся к Геральту. — Разве ты не это говоришь? Вы убиваете только монстров, которые причиняют вред другим. Хорошо...'. С этими словами он махнул рукой девушке, стоящей рядом с ним.

С момента ее краткой речи в начале «Голубые глаза» не сказали ни слова в ее защиту. Позволить этим незнакомцам решать ее судьбу прямо у нее на глазах. Будь то какой-то глубоко укоренившийся бунт против авторитета этого задом наперед места или чувство чести, которое он должен был поддерживать по отношению к девушке, которую обещал вернуть домой, Ламберт почувствовал прилив праведного гнева на собравшихся перед ним лицемеров. .

«Вы ругаете меня за то, что я нерадив и не продумываю все до конца, ну, я все продумал. Она разумна. Она здесь против своей воли и не отняла ни одной жизни в моем присутствии. Если это делает меня дерьмовым ведьмаком, что ж... Я всегда был паршивой овцой, и у меня нет причин подчиняться сейчас.

В группе воцарилось еще одно напряженное молчание. Большой огонь позади Весемира громко потрескивал в огромном зале. Старый ведьмак шагнул к ним, не сводя глаз с девушки. «Похоже, у вас есть ярый защитник в лице Ламберта». Его рот скривился, когда она не ответила. Ее ясные голубые глаза безмятежно смотрели на него. «Тем не менее, мы не можем по-настоящему узнать ваши мысли, если...». Он повернулся к волшебнице, сидевшей рядом с Геральтом.

— Трисс, тебе удалось что-нибудь увидеть? Каждый мускул в теле Ламберта напрягся, и он инстинктивно сделал шаг к рыжеволосой ведьме. Геральт мгновенно поднялся на ноги, приняв оборонительную стойку и встав между братом и женщиной. Она наблюдала за парой настороженными глазами.

— Расслабься, Ламберт. Он зарычал. Ламберт усмехнулся. Он всегда ненавидел склонность Геральта принимать волшебниц в качестве любовников. Они были скользкими людьми, и им нельзя было доверять ни на дюйм. Хитрое использование магии Меригольд на Голубых глазах было достаточным тому доказательством.

Она покачала головой Весемиру, ее чопорный ротик презрительно опустился. 'Нет извините. Кажется, разум этого демона окружают довольно внушительные стены».

Ламберт снова посмотрел на девушку, автоматически оценивая ее признаки беспокойства. Голубые глаза просто смотрели на него, то же самое безмятежное выражение лица, которое она подарила Весемиру.

«Неудачно. Это упростило бы ситуацию».

— Возможно, есть другой путь. — заговорила Меригольд, когда Весемир, казалось, был готов подвести итоги.

'Да?'

Волшебница мельком взглянула на Геральта. Он нахмурился в ответ. — Я мог бы попробовать гадание. Все смотрели на нее, ожидая, что она объяснит. С неохотным вздохом Меригольд

продолжила. «Я знаю ритуал, который поможет мне заглянуть в чьи-то мысли, снизив любые барьеры, которые могут блокировать обычные способы чтения мыслей. Это не моя сильная сторона, и мне понадобится время, чтобы подготовиться, но я думаю, что справлюсь».

Весемир кивнул после некоторого раздумья. — Это может сработать, Трисс. Как вы думаете, это покажет, есть ли у этого демона какие-либо злонамеренные намерения?

'Должно. Если он работает. Ей мало что удастся скрыть от меня. Ламберт сделал еще шаг, на этот раз в сторону, чтобы загородить волшебнице взгляд на девушку позади него.

— А что, если я не позволю тебе это сделать? Теперь настала очередь Весемира подойти к нему.

— Тогда мы разберемся с этим существом и накажем тебя соответственно. Сегодня ты уже нарушил достаточно правил, не испытывай мое терпение дальше. Ламберт расправился со своим старым учителем.

«Что помешает Меригольд солгать о том, что она видит?»

— Я бы этого не сделал. — возмутилась она.

— Ты ходишь по тонкому льду, Ламберт. — сказал Геральт опасно тихим голосом. Напряжение теперь быстро нарастало, и Ламберт чувствовал, как все рассудок ускользает от него.

— Без обид... вообще-то, к черту все эти обиды, Геральт, но я не доверяю ни одному из твоих кавалеров настолько, насколько могу их забросить. Это несправедливый суд, если мы все не увидим результатов».

«Суд кажется сильным словом, брат». Вмешался Эскель. Его голос был единственным, который оставался спокойным и хладнокровным. Каждые несколько секунд его взгляд метнулся к девушке в центре спора.

— Суд — это именно то, что есть. Итак, я требую справедливого решения.

Весемир покачал головой с усталым выражением лица. «Из всех случаев, когда ты мог обрести сознание, именно сейчас». Ламберт скрестил руки на груди и пристально посмотрел на своих братьев-ведьмаков, не двигаясь. Весемир испустил долгий, усталый вздох. 'Является ли это возможным?' — спросил он Меригольд.

Рыжеволосая волшебница на мгновение задумалась, на ее лице появилось тревожное выражение. 'В теории.' Она начала осторожно. «Я знаю заклинание, которое могло бы это сделать, но мне понадобится помощь». При этом она многозначительно взглянула на все еще стоящего Геральта, и Ламберт почувствовал, как у него свело желудок.

'Нет! О, нет! Одна ведьма достаточно плоха, но я не позволю этой черноволосой гарпии...». Через секунду Геральт оказался вокруг стола и лицом к лицу с Ламбертом. Их разница в росте была очевидна на таком близком расстоянии, и он почувствовал прилив горькой ревности к другому ведьмаку.

'Осторожный.' — сказал Геральт непоколебимым тоном. Его глаза сверкали яростным огнем, а через плечо Ламберт мог разглядеть обиженное выражение лица Меригольд от его жестокой реакции. Любовь всегда была сложной вещью.

'Достаточно!' Между ними внезапно возник Весемир, отталкивая их друг от друга.

— Мне понадобится помощь Йен, чтобы проецировать изображения. Я не могу сделать и то, и другое». В голосе Меригольд звучало почти сожаление. Это была дерьмовая ситуация, но если Голубоглазые собирались доказать свою надежность, у нее не было выбора. По крайней мере, они все смогут увидеть то, что видела Меригольд.

'Отлично.' Наконец он выплюнул. Отступил назад, чтобы встать рядом с девушкой, которая стала причиной всей этой драмы.

'Хороший. Это решено. Сколько времени вам нужно на подготовку? – сказал Весемир, обращаясь к волшебнице.

— Около трех дней.

'Быть по сему. Геральт, ты приглашаешь Йеннифэр прийти сюда. Эскель и Ламберт помогут вам собрать все необходимое для ритуала.

«Буду ли я трахаться?» Ламберт запротестовал, но острый взгляд старого ведьмака заставил его замолчать.

— Тем временем демона будут держать в камерах внизу. Димеритиевые прутья должны удержать ее.

— рявкнул Ламберт. Стресс от возвращения в этот эпицентр обиды и дерьмовых воспоминаний, добавленный к особенно одностороннему допросу, свидетелем которого он только что стал, окончательно истощил его ограниченное терпение. — Чертовы клетки, Весемир! Она никуда не денется! Почему бы тебе просто не послушаться, старый закорюченный придурок!

Кулак Геральта врезался ему в лицо слишком быстро, чтобы он мог увернуться. Ламберт отшатнулся назад, прижимая руку к и без того пульсирующему подбородку. Гнев и адреналин захлестнули его, когда он прыгнул на брата, сжав руки в кулаки. Он видел, как Геральт занял оборонительную позицию. Эскель и Весемир стояли в стороне. Один с шокированным выражением лица, другой с прищуренными глазами смотрит на драку. Взгляд Ламберта сосредоточился на своем противнике, остальные растворились в темноте. Он спарринговался с Геральтом сотни раз, мало что выиграл и много проиграл. Дополнительные мутагены Белого волка дают ему преимущество в грубой силе. Однако, несмотря на все шансы, Ламберту было хреново, если он собирался позволить ему выиграть на этот раз. По его мнению, весь этот фарс был спровоцирован им и его стремлением раскрыть природу девушки.

Он отдернул кулак, планируя сделать ложный маневр и отвести защиту Геральта от его лица. Когда он собирался нанести удар, какое-то размытое движение на мгновение отвлекло его, траектория его кулака замерла, когда он пытался определить, откуда он взялся. Затем, словно из ниоткуда, перед ним появилась пара узнаваемых сапфирово-голубых глаз. Прямо на пути его летящего кулака.

'Останавливаться!' Ее голос был самым громким с тех пор, как она приехала сюда. Звенит, как гулкий колокол в огромном зале. И Ламберт, и Геральт замерли, ее внезапное появление напугало обоих ведьмаков. Ламберт, шатаясь, сделал несколько шагов вперед, и импульс его атаки было трудно остановить немедленно. Она двигалась с той же неестественной скоростью, с которой совершала проход. Она разговаривала с ними обоими, но смотрела только на него. «Я не позволю вам избивать друг друга от моего имени». Она сказала немного тише, одарив его суровым, грозным взглядом.

Повернувшись к Весемиру, она заговорила еще мягче. Эта странная безмятежность снова охватила ее. «Я исключаю ваши условия. Если это поможет завоевать ваше доверие, то оно того стоит. Ламберт, кажется, думает, что вы можете мне помочь, и я очень хочу, чтобы вы это сделали. Она робко улыбнулась ему, слегка наклонила голову и ждала, склонив голову, пока он ответит.

Старый ведьмак посмотрел на нее оценивающими глазами, теми же, какими оценивал Ламберта, когда тот стоял перед ним в свою первую ночь здесь. В этот момент он почувствовал укол сочувствия к девушке-демону. Ее бросили в чужую землю без помощи никого, кроме предполагаемого врага, доставили в эту продуваемую сквозняками крепость, полную устаревших принципов и замученных призраков, и предали суду за то, что она была просто тем, кем она была. Он мог понять.

'Быть по сему.' Наконец-то сказал Весемир серьезным тоном. — Эскель, не окажешь ли ты честь?

Эскель сделал шаг вперед, протянул руку к Голубым глазам, прежде чем Ламберт схватил его за запястье.

«Она моя пленница, я отведу ее в камеру».

'Нет. Эскель будет. Прежде чем Ламберт смог направить свой гнев обратно на старого ведьмака, Весемир прервал его. «Вы явно слишком эмоционально в это вложены. Я запрещаю тебе видеть демона до тех пор, пока я не решу ее судьбу. Он махнул рукой Эскелю, чтобы тот продолжал, и с извиняющимся взглядом, который не совсем достиг его глаз, Эскель рывком высвободил руку из рук Ламберта.

«Теперь я закончил все эти серьезные разговоры. Давайте есть.'

Ламберт застыл на месте, пока его брат уводил девушку, которую он привез из заводов Велена. Весемир подошел к Меригольд и сел, и после ядовитого предупреждающего взгляда Геральт вернулся на свое место рядом с ней. Голубые глаза один раз оглянулись, ее взгляд встретился с его взглядом, когда Эскель повел ее к лестнице, ведущей вниз к почти неиспользуемым камерам Каэр Морхена. Уголок ее рта дернулся, но в глазах читалась мольба. Как будто она хотела, чтобы он не создавал проблем.

Его челюсти сжались, и он стоял, наблюдая за местом, где она была, спустя много времени после того, как Эскель исчез вместе с ней внизу. И только когда он вернулся и положил руку Ламберту на плечо, он наконец вышел из транса.

— С ней все будет в порядке. Девушка крутая. Ламберту хотелось сказать что-нибудь резкое, что-нибудь, что заставило бы Эскеля вздрогнуть или раздраженно закатить глаза, но, увидев, как он нежно увел ее, как он схватил ее больше для показухи, чем для силы, он обнаружил, что его вкус к злобе притупился.

'Я знаю.' Вместо этого он пробормотал и пошел с ним к столу, где Весемир уже с восторженным вниманием слушал один из рассказов Геральта с Пути. В ту ночь Ламберту было труднее, чем обычно, сохранять вежливость. Он молчал, пока остальные подхватывали его и выпивали обильное количество эля. Он выпил изрядную долю алкоголя, но это не давало ему того кайфа, к которому он уже привык. Время от времени Эскель пытался привлечь его к себе, постоянно пытаясь помириться, но он отвечал одним словом и в конце концов сдавался. Остальных, казалось, не волновало его угрюмое настроение, и он, откровенно говоря, не заботился о них.

Когда день подошел к концу и в крепости опустилась ночь, группа подошла ближе к огню. Была еще осень, но в воздухе чувствовалась прохлада, и в огромном зале она ударила сильнее, чем где-либо еще по ночам. Наконец, утомленные путешествием, все пожелали спокойной ночи и начали расходиться из группы. Глаза Ламберта следили за Меригольд, пока она направлялась в комнату для гостей наверху, его рот искривился в самодовольной улыбке, когда Геральт решил пойти к своей кровати в коридоре вместо того, чтобы последовать за ним через час. Итак, он все еще придерживался фиолетовоглазого. Это создаст некоторое неловкое напряжение, когда она придет, чтобы провести какой-то причудливый ритуал, который они планировали провести.

Когда остальные ушли, а эль у него снова закончился, Ламберт решил лечь спать. Шатаясь, он добрался до своей койки, стоявшей у стены зала, и рухнул на нее, полностью одетый, рядом с храпящим Геральтом и пускающим слюни Эскем. Глядя на пыльные стропила, он увидел туман перед своим лицом, холод теперь сжимал это место сильнее, когда луна снаружи поднялась выше.

Он пытался очистить свой разум, желая, чтобы алкоголь сделал свое дело и заставил его забыть. Первая ночь всегда была худшей в этом месте. Он часто клялся, что слышит крики агонии, эхом разносящиеся по залу. Крики ужаса и страха, когда мальчики, с которыми он прибыл, его друзья, были разорваны изнутри, чтобы их можно было переделать в ведьмаков. Сколько человек погибло в этом процессе? Очень много. Теперь у него стало ежегодной традицией напиваться до ступора, чтобы заглушить эти крики. Держите кошмары под контролем.

Эта ночь была другой. Несмотря на его далеко не идеальное состояние сознания, он не мог слышать криков. Вместо этого его мысли унеслись с меховой койки, на которой он лежал, прочь от воспоминаний, высеченных в самых стенах. Через толстый камень полов крепости к девушке, которая сейчас заперта в ледяных камерах внизу. Ему никогда не было плевать на судьбу, но он надеялся, что боги отнесутся к ней благосклонно.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3415817>